

**О ПАНЩИНЕ К. Б. —
ЕЖОВУ Н. И. и в ПОМПОЛИТ**

ПАНШИН Кирилл Борисович, родился в 1911 в Киеве. Получил высшее образование. Проживал в Ленинграде, работал научным сотрудником Оптического института. 23 сентября 1936 — арестован «за контрреволюционную деятельность» и заключен в тюрьму. 27 января приговорен к 5 годам ИТЛ¹, готовился к этапу.

В феврале 1937 — его отец, профессор Борис Александрович Паншин, обратился с заявлением к наркому Ежову Н. И., передав копию этого заявления в Помполит.

<8 февраля 1937>

«ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОМИССАРУ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Н. И. ЕЖОВУ

Проф<ессора> ПАНШИНА В. А.,
Москва 47, Миусская площ<адь>
<дом> 3/8, кв. 38

З А Я В Л Е Н И Е

Сын мой, Кирилл Борисович ПАНШИН, 26 л<ет>, н<аучный> с<отрудник> Оптического Института в Ленинграде, постановлением Особого Совещания от 27.I.37 г<ода> приговорен к 5 годам ИТЛ. Считаю этот приговор судебной ошибкой по таким основаниям:

1. Дело о сыне моем К. Б. ПАНЩИНЕ и его сослуживцах Е. ПОРАЙ-КОШИЦЕ и Н. ВАЛЕНКОВЕ начато на основании заявления другого моего же младшего сына, 22 л<ет>, Игоря Борисовича ПАНШИНА (сотрудника Н<аучно>-И<сследовательского> Ин<ститу>та Экспериментальной Биологии), направившего бумагу в Московское НКВД 23.V.1936 г<ода>; в бумаге отмечались сомнения сына относительно правильности установок Е. ПАРАЙ-КОШИЦА и общего направления философских занятий, которые велись в 1934 году осужденными под руководством асп<иранта> В. ХОЛМОГОРОВА и его товарища, к делу не привлеченных. В конце сентября 1936 г<ода> были произведены аресты, а через 4 месяца вынесено решение, совершенно для меня непостижимое, ибо в разговорах с сыном Кириллом летом 1936 г<ода> я с полной несомненностью выяснил, что от указанных занятий, в предосудительность коих я никак не могу поверить, сын самостоятельно устранился, когда общее их направление показалось ему неподходящим и неинтересным. На это указывал и сын мой Игорь, отмечавший в беседах со следователем НКВД и в заявлениях в Прокуратуру Союза полную невиновность брата. Таким образом, осуждение произошло или в силу "самоговора" сына, что вряд ли допустимо, хотя содержание под стражей было жестким (отсутствие передач 2½ месяца и связанное с этим резкое недоедание, уверения следователя в аресте всех близких, в желании невестки бросить своего "контрреволюционного" мужа и т<ак> д<алее>) или в силу злого оговора других лиц, в частности, не арестованных по делу инициаторов и организаторов занятий асп<иранта> В. ХОЛМОГОРОВА и его товарища, нравственный облик коих, по заявлению хорошо знакомого с Холмогоровым академика А. ПОРАЙ-КОШИЦА, более чем сомнителен.

2. В результате дела, необычно начатого сыном в силу чисто идеологических побуждений, высоко гражданского характера, жестоко

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

наказан не только ни в чем неповинный старший мой сын, не только обречена на скорбь и унижение вся наша дружная семья, но наиболее жестоко пострадал сам инициатор дела, которого приговор сделал как бы врагом и виновником несчастья близкого по крови и духу брата, с которым он всегда был и остается в самых теплых родственных отношениях.

Иными словами — НКВД жестоко наказало всех нас за самоотверженную бдительность сына; последнее положение звучит тем более горькой иронией, что само начало этого дутого "дела" явилось результатом только искаженно повышенной чувствительности сына на почве общего болезненного состояния (последствия скарлатины и переутомления от напряженных занятий при печатании научных работ в изданиях В<сесоюзной> А<кадемии> Н<аук>), в настоящее время быстро прогрессирующего под влиянием сделанной тяжелой ошибки.

Я прошу Вашего вмешательства и помощи во всем этом безмерно тяжелом для меня деле, поставившем под удар выращенную мною с таким трудом и любовью талантливую молодую советскую смену: незаслуженная несправедливость не должна быть допущена.

<подпись>

Москва, 8.II.1937 г<ода>.

Прошу о приостановке высылки»².

4 апреля 1937 — Кирилл Борисович Паншин прибыл в Воркутлаг. 22 декабря 1939 — по ходатайству юридического отдела Помполита дело было пересмотрено, и К. Б. Паншин был освобожден из лагеря³.

---

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1632. С. 104. Машинопись, подпись и просьба в конце письма — автограф.

³ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.